

13 стереотипов о крепостном праве

Петербургский ученый опровергает нерушимые по сей день шаблоны советской историографии

В истории России есть ключевые институты, которые в течение долгого времени определяли ее развитие, успехи и неудачи. К их числу относится крепостное право.

О нем написаны тысячи книг и статей и защищены сотни диссертаций. Основная масса этой литературы создана при советской власти, когда историки вынуждены были писать свои труды с оглядкой на директивные, как тогда говорили, органы и исполнять их социальный заказ. По этой причине собранный огромный материал по крепостному праву был интерпретирован таким образом, чтобы внедрить в сознание читателя три принципиальных тезиса.

Во-первых, этот губительный для страны институт был создан самодержавием и правящим классом, чтобы держать в повиновении и эксплуатировать трудящихся в своих корыстных интересах.

Во-вторых, крепостничество тормозило развитие страны 250 лет, пока оно существовало, и 57 лет после его отмены вследствие грабительского характера реформы и сохранения его многочисленных пережитков.

В-третьих, только большевики правильно поняли сущность системного кризиса, в котором оказалась пореформенная Россия, и спасли страну от деградации благодаря организованной ими революции.

В данной статье сделана попытка сформулировать 13 стереотипов советской историографии, которые до сих пор направляют изучение крепостного права, поскольку они укоренены в общественном сознании и по-прежнему разделяются многими историками, хотя в постсоветское время и появились исследователи, с ними несогласные.

1. КРЕПОСТНОЕ ПРАВО — «чудовище тучное, гнусное, огромное, со ста пастями и лающее» (А.Н. Радищев), а говоря научным языком — нерациональный, антинародный, губительный для общества институт. Оно было установлено самодержавным государством в интересах дворянства.

Несмотря на все его недостатки и вредные последствия, для своего времени крепостное право являлось рациональным институтом. Другой альтернативы организовать государственную жизнь, обеспечить поступление налогов и оборону страны в России XVI — первой половины XVII в. не знали. Так считал цвет российской историографии второй половины XIX — начала XX в. (А.Д. Градовский, И.И. Дитятин, К.Д. Кавелин, В.О. Ключевский, П.Н. Милюков, М.П. Погодин, В.И. Сергеевич, Б.Н. Чичерин и другие представители государственной школы). Как выразился С.М. Соловьев, «прикрепление крестьян — это вопль отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении»¹. Для того чтобы крепостное право существовало два с половиной века в России и несколько столетий в других европейских странах, оно должно было выполнять важные и полезные для общества функции.

° 1

И. Ижакевич. Крепостных меняют на собак. 1926 г.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Борис Николаевич Миронов (род. 21 сентября 1942 года) — историк, специалист в области исторической социологии. Доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Автор около 400 работ, многие из которых переведены на иностранные языки.

Постоянный автор журнала «Родина» Носит неофициальный титул самого «оспариваемого историка России».

2. КРЕПОСТНОЕ ПРАВО ДО 1861 г. распространялось только на помещичьих крестьян; на большей части России оно практически отсутствовало.

Крепостное право — совокупность юридических норм, закреплявших личную зависимость человека от его господина. Объем понятия «крепостное право» исторически варьировал от мягкой до полной всеобъемлющей зависимости человека от его господина. Главных признаков крепостной зависимости три:

- 1) внеэкономическая, личная зависимость от господина, которым могло быть отдельное лицо, учреждение (церковь, фабрика и т. п.) или казна (государство);
- 2) прикрепление к месту жительства;
- 3) прикрепление к сословию.

На основании этого будет правильным считать, что государственные крестьяне, называвшиеся до XVIII в. черносошными, были свободными в XVI в. Однако в XVII—XVIII вв. они были постепенно закрепощены тем или иным способом: одни переданы помещикам, другие — церковным учреждениям (церковные крестьяне, с 1764 г., после секуляризации, —экономические), третьи — императорской фамилии (удельные крестьяне); четвертых приписали к заводам и фабрикам (посессионные), пятых — в 1810–1857 гг. к военным поселениям (военные поселяне).

Оставшиеся черносошные крестьяне также постепенно утратили признаки свободы. Они были прикреплены к господину (казне), к месту жительства и сословию. Они платили, кроме обычных налогов, денежный оброк в казну, как частновладельческие крестьяне платили оброк помещику. Во время четвертой ревизии, в 1782 г., они слились с государственными крестьянами и перестали существовать как специфическая категория населения. Положение государственных крестьян было во многих отношениях благоприятнее помещичьих, поэтому последние мечтали перейти в распоряжение казны. Однако это не отменяет факта, что они были крепостными.

3. ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН можно считать настоящими рабами.

Нет сомнений, что у помещиков по закону было больше прав, чем у казны на государственных крестьян, и они ими злоупотребляли. Однако представление, что помещичьи крестьяне находились на положении рабов, не соответствует действительности. Раб — это вещь, а крепостной — это человек. Достаточно сказать, что по Соборному уложению 1649 г., которое действовало до 1832 г., помещичьи крестьяне имели право на защиту от бесчестия, как свободные люди. Они считались податным сословием, платили государственные налоги, несли воинскую повинность, имели право обращаться в коронный суд, могли с согласия помещика вступать в гражданские обязательства и переходить в другие сословия, а также жаловаться на своего владельца в случае злоупотребления последним своей властью. Убийство крепостного считалось преступлением и каралось так же, как и убийство свободного человека. Закон запрещал принуждать крестьян к браку против их воли.

Помещики по закону ограничивались в возможностях наказывать крестьян. Они обязаны были наделять крестьян землей, необходимой для существования. Им вменялось в обязанность в случае неурожая обеспечивать их пропитанием и семенами на следующий год, а в случае падежа скота — скотом. Если помещик доводил крепостных до разорения, его имение забиралось в опеку или в казну. Прелюбодеяние с крепостными преследовалось по закону; женщины имели право жаловаться на насилие церковным властям.

К сожалению, встречались помещичьи гаремы, некоторые душевладельцы вводили в имение право первой ночи, известны и садисты наподобие Салтычихи (в современном понимании она была серийной убийцей и психически больной женщиной). Но все же такие инциденты не носили массового характера, встречались осуждение со стороны государства и дворянского общества, преследовались по закону. В первой половине XIX в. наблюдалась гуманизация крепостнических отношений. Земской полиции и дворянским предводителям вменялось в обязанность следить за злоупотреблениями помещиками своей властью и «извещать губернаторов для принятия приличных мер», что последние и делали. Например, в 1834–1845 гг., лишь за 12 лет, было привлечено к суду 2838 помещиков, из них осуждено 630. В 1836, 1851–1853 гг. в среднем в каждом году в опеку находилось 212 имений².

2

4. ПОЛОЖЕНИЕ ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН непрерывно ухудшалось, с конца XVIII в. началось их вымирание.

Уровень жизни крестьян изменялся разнонаправленно: после Смуты, во второй половине XVII в., он преимущественно повышался, в XVIII в. преимущественно понижался, а в первой половине XIX в., как и в пореформенное время, повышался. Вывод о вымирании помещичьих крестьян в первой половине XIX в. основывается на данных ревизий об изменении их процента в населении страны: в 1719 г. он составлял 48,4, в 1762 г. — 52,7, в 1796 г. — 53,9, в 1811 г. — 51,7, в 1833 г. — 44,9 и 1857 г. — 39,2. С начала XIX в. процент падал, а с 1830-х гг. стала снижаться и их абсолютная численность. Однако снижение численности помещичьих крестьян объяснялось не повышенной смертностью из-за тяжелых условий жизни, а главным образом социальными перемещениями в другие сословия и, возможно, отчасти регулированием рождаемости, начавшимся во второй трети XIX в.

Основные потоки социальной мобильности направлялись в «военное сословие» через рекрутство, в меньшей степени в города — в купцы и мещане, и совсем немногим крестьянам удавалось перейти в духовенство и дворянство. В XVIII — первой половине XIX в. около 7,6 млн крестьян было взято в солдаты. В городах наблюдалась естественная убыль населения, которая компенсировалась за счет деревенских мигрантов. Однако большинство крестьян, переехавших в город, оставались в своем сословии, хотя число межсословных перемещений росло. В мещане и купцы, в 1719–1744 гг. перешло около 2 тыс. крестьян, в 1782–1811 гг. — 25 тыс., в 1816–1842 гг. — 450 тыс. Каналами социальной мобильности помещичьих крепостных являлись также миграции в колонизируемые регионы, переходы в состав государственных крестьян и побегов, но об их масштабах точными сведениями мы не располагаем.

Благодаря всем названным процессам доля помещичьих крестьян в населении с 1719 по 1857 г. сократилась в 1,5 раза — с 59,6 % до 39,2 %³.

3

5. НЕДОИМКИ — важнейшее доказательство падения уровня жизни крестьян — непрерывно возрастали.

Недоимки по казенным налогам и повинностям не являются надежным критерием. Крестьяне, как и другие податные сословия, не торопились платить налоги даже тогда, когда располагали средствами. Во-первых, недоимки регулярно прощались верховной властью. Новый монарх при вступлении на престол полностью или в значительной степени прощал накопившиеся долги, о чем население прекрасно знало. Во-вторых, наличие недоимок препятствовало повышению налогов и повинностей, так как всегда выдвигалось как доказательство напряженности их средств и, самое важное, принималось властями во внимание, ввиду отсутствия других критериев для оценки благосостояния.

Под личиной неплатежеспособных часто скрывались люди, могущие вовремя платить налоги и повинности. По свидетельству осведомленных современников, крестьяне как бы состоятельны они ни были, притворяются всегда бедными и нуждающимися во всем. Имеется и статистика, подтверждающая отсутствие зависимости между доходами и недоимками. Корреляционный анализ данных о величине налогов, повинностей и недоимок казенных и помещичьих крестьян, а также и мещан по 44 губерниям Европейской России на 1849 г. показал, что никакой тесной положительной зависимости между бременем платежей и недоимками нет ни у помещичьих, ни у государственных крестьян, ни у мещан.

Более того, в ряде губерний, где платежи были выше, недоимок оказалось меньше⁴.

° 2

А. Красносельский. Сбор недоимок. 1869 г.

° 3

К. Колдурев. Порка крепостного. 1935 г.

6. ТРУД КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН, как и вообще всякий принудительный труд, являлся малоэффективным.

Есть много фактов, которые этот тезис опровергают. Барщинные крестьяне приносили помещику примерно в два раза больше прибыли, чем оброчные. Поэтому везде, где только возможно было завести барщинное хозяйство, помещики это делали. В центрально-промышленных губерниях накануне отмены крепостного права на оброке находилось 67 % помещичьих крестьян, а в губерниях с развитым промысловым отходом на оброк было переведено 80–90 % крестьян. Наоборот, в земледельческих центрально-черноземных, средне- и нижневолжских губерниях, производивших товарную продукцию, где земледелие давало хорошие дивиденды, до 80–90 % крестьян находились на барщине.

В целом за первую половину XIX в. удельный вес барщинных крестьян увеличился с 56 до 71 %, а оброчных и находившихся на смешанной форме эксплуатации соответственно уменьшился с 44 до 29 %.

Крестьяне обрабатывали помещичью землю тем же самым инвентарем и скотом, что и свою. Несмотря на это, в помещичьих хозяйствах урожайность была примерно на 20 % выше. Контроль приносил свои плоды. Сравнение основных показателей уровня развития сельскохозяйственного производства у сильно закрепощенных помещичьих крестьян и менее закрепощенных казенных крестьян в 1842–1853 гг. показывает, что хозяйственная деятельность первых была более результативной. Казенный крестьянин, располагавший большей степенью хозяйственной свободы, обладавший большим количеством земли, обремененный меньшими налогами и повинностями, чем помещичий крестьянин, имел сравнительно с ним посевов на 42 % меньше, урожайность на 16 % ниже, держал скота на 7–12 % меньше и в итоге производил сельскохозяйственной продукции примерно в 1,5 раза меньше. Разумеется, львиная доля дополнительных доходов присваивалась помещиками⁵.

Рабы на американских плантациях приносили своим владельцам больше прибыли, чем крепостные своим помещикам, потому что раб работал примерно в 2,6 раза больше, чем крепостной. Норма эксплуатации российского барщинного крестьянина составляла около 100 %, а американского раба — 240 %. В США плантаторы конкурировали со свободными фермерами⁶.

Большая или равная производительность рабовладельческой или крепостной форм организации производства по сравнению со свободным трудом не должна удивлять. Эффективность трех различных типов управления — авторитарного (или директивного), демократического (или коллегиального) и либерального, дающего людям свободу, а событиям возможность идти своим чередом, относительно в экономической жизни и зависит от времени, места, обстоятельств, сферы приложенного труда и трудовой этики. Принудительный труд отнюдь не всегда эффективнее свободного, а лишь при определенных условиях, прежде всего при традиционном потребительском отношении крестьянина к труду, земле и собственности (крестьянин жил по пословицам: «Хлеба с душу, денег с нужу, платья сношу»; «Кто малым доволен, тот у Бога не забыт») и при соответствующем уровне развития личности. Например, использование труда ссылокаторжных в начале XX в. оказалось убыточным, как и труд заключенных в лагерной экономике в советское время⁷.

4

° 4

Крестьянин Костромской губернии во время сева. Начало XX в.

7. РОСТ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ПОМЕЩИКОВ в первой половине XIX в. свидетельствует о том, что крепостное хозяйство испытывало кризис вследствие плохого управления и малоприбыльного, неэффективного труда крепостных.

Об управлении помещичьими имениями и эффективности труда крепостных речь шла выше. Что касается долгов, то с конца XVIII в., когда окно в Европу широко открылось, помещики действительно стали влезать в долги, закладывая свои «крепостные души» в кредитных учреждениях, и их долги непрерывно росли. К началу XIX в. в залоге находилось не более 5 % крепостных крестьян, к 30-м годам — уже 42 %, а к 1859 г. — 65 %. К моменту отмены крепостного права долги помещиков государственным кредитным учреждениям составили свыше 425 млн руб. Они в два раза превысили годовой доход в государственном бюджете.

Однако причина увеличения задолженности заключалась не столько в плохом управлении и низкой эффективности труда крепостных, сколько в непроизводительных тратах помещиков на красивую жизнь. Сколько бы дохода они ни получали, всегда было недостаточно. Причем больше всего долгов имели богатые землевладельцы.

8. «ОСВОБОЖДЕНИЕ» было бессовестным грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошных надругательств над ними»⁸

Крестьяне выкупали землю отнюдь не по грабительским ценам. Удельные крестьяне (3,9 % всего крестьянства) получили почти всю землю, находившуюся в их пользовании, в собственность по адекватным ценам.

За государственными крестьянами (48,9 %) были закреплены все земли, находившиеся в их пользовании, в бессрочное владение тоже по адекватным ценам.

Условия освобождения помещичьих крестьян (47,2 %) были менее благоприятными, но достаточно удовлетворительными.

Оценка выгодности выкупной операции зависит от того, какие земельные цены учитывать и за какие годы. Согласно стереотипу, крестьяне заплатили за землю на 34–59 % больше ее реальной стоимости на рынке в момент покупки. Согласно альтернативному расчету С. Хокка — на 19 % меньше⁹. По моей оценке — примерно на 25 % больше. Однако в 1883 г. выкупная сумма была понижена на 27 %, благодаря этому крестьяне остались в выигрыше. Неправильно оценивать выгодность выкупной операции на момент ее заключения. Необходимо учитывать весь период сделки, растянувшийся на 49 лет.

Выгоды для крестьян со временем увеличивались вместе со стремительным повышением земельных цен, которые в 5,8 раза обгоняли общий индекс цен. Вследствие инфляции (в 1861–1907 гг. индекс потребительских цен увеличился в 1,6 раза) тяжесть выкупных платежей (которые не индексировались, а оставались постоянными) постепенно уменьшалась, а реальная ценность надельной земли возрастала. В конечном итоге бывшие помещичьи (и тем более все другие категории крестьян) выиграли от выкупной операции, несмотря на завышенную оценку стоимости надельной земли и платеж 6 % годовых за полученный от государства ипотечный кредит, вместо обычных 4 % на земельные ссуды¹⁰.

9. «ПО СЛУЧАЮ «ОСВОБОЖДЕНИЯ» от крестьянской земли отрезали в черноземных губерниях свыше 1/5 части. В некоторых губерниях отрезали, отняли у крестьян до 1/3 и даже до 2/5 крестьянской земли»¹¹.

На самом деле вся надельная земля, которой до 1861 г. пользовались крестьяне, по закону являлась собственностью помещиков, поэтому отрезки (18 % дореформенной надельной земли крестьян) на законном основании принадлежали помещикам. Следует также принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, если бы отрезки остались за крестьянами, то им бы пришлось за нее платить выкуп, что увеличило бы выкупные платежи на те же 18 %.

Во-вторых, нередко сами крестьяне просили сократить надел, так как боялись денежной повинности, хорошо зная, как трудно им добыть деньги¹².

10. ПРИЧИНЫ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА: упадок крепостнического хозяйства, развитие новых капиталистических отношений, назревание революционного взрыва (революционная ситуация), поражение в Крымской войне.

На момент реформы крепостное хозяйство еще имело резервы для развития, но они были на исходе. Самым передовым экономическим районом России в первой половине XIX в. являлась Прибалтика, которая по урожайности, доходности и всем другим показателям на 20–30 % опережала другие регионы страны. Это тот максимальный уровень, который можно было бы достичь в среднем по России в случае сохранения крепостного права. Хозяйствовать лучше, чем немецкий помещик, было маловероятно. В силу этого при сохранении крепостничества в среднесрочной и тем более в долгосрочной перспективе не было надежды на успешное экономическое развитие.

Ростки капитализма пробивались, но главным образом в промышленной, торговой и финансовой сферах. Однако они не радовали и не стимулировали крестьян, которые в огромном большинстве являлись убежденными традиционалистами. Крестьяне не были готовы к немедленному переводу хозяйства на рыночные рельсы.

Недовольство крепостническим режимом в обществе и народе росло, но стадии революционной ситуации не достигло. Даже в 1850-е гг. крестьянские волнения были стихийными и неорганизованными; их участники не выдвигали политических требований, не выступали против верховной власти и существовавшего социально-экономического строя. Большинство крестьян в принципе удовлетворялись наличием средств в объеме прожиточного минимума, который они получали. Между тем уровень их жизни в первой половине XIX в. повышался, что являлось важным фактором социального спокойствия¹³.

Желания и требования крестьян редко выходили за границы улучшения материальных условий их повседневной жизни: побольше земли, поменьше повинностей и налогов, полиберальнее управление. Это объяснялось тем, что люди традиционного склада, у которых отсутствует четкая альтернатива будущего, приспосабливаются к тому, что они имеют, воспринимая его как должное, единственно возможное и неизменяемое¹⁴.

На мой взгляд, в случае победы России в Крымской войне крепостное право все равно бы отменили в те же сроки и на тех же условиях — лишь под другим лозунгом: наградить народ за победу! В 1860 г. среди крупных европейских стран только в России сохранялось крепостничество. Российская империя выглядела белой вороной, что негативно отражалось на ее статусе и имидже в мире. Страна нуждалась в модернизации. Верховная власть в лице Александра II была решительно настроена на освобождение крестьян.

Таким образом, не исчерпав всех экономических возможностей крепостного права, верховная власть, в силу государственной потребности в модернизации, под воздействием требований прогрессивной общественности и самого крестьянства, под влиянием гуманизации общественных отношений и нравов в 1860-е гг., проводит крестьянскую и другие реформы. Тем самым создавая возможности для постепенной трансформации страны в правовое государство с рыночной экономикой.

⁵ Б. Кустодиев. Чтение Манифеста об освобождении крестьян. 1907 г.

⁶ Крестьянка волжской деревни на полевых работах. Начало XX в.

11. ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА произошла с большой задержкой, вызванной нежеланием дворянства и царского правительства поступиться интересами помещиков.

На мой взгляд, крепостничество отменили тогда, когда крестьяне и общество были к этому готовы. В западноевропейских странах, включая Францию, Англию, Италию, Нидерланды, освобождение произошло стихийно и постепенно, в течение двух—пяти столетий, под влиянием экономических факторов и по обоюдному добровольному соглашению крепостных и патронатов, без вмешательства и посредничества государства¹⁵.

В России стихийный процесс раскрепощения также имел место, но проходил, вследствие недостатка инициативы со стороны помещиков и крестьян, так медленно, что потребовалось вмешательство государства. До начала XIX в. отпустить на волю крепостных индивидуально было затруднительно, а целыми селениями законом вообще запрещалось. В первой половине XIX в. эти возможности появились, благодаря чему к 1858 г. из 22,7 млн помещичьих крестьян обоего пола ими воспользовались около 2,3 млн, или 10,1 %.

С такими темпами полное освобождение завершилось бы примерно через 400–500 лет¹⁶.

Несостоятельно утверждение о нежелании самодержавия отменять крепостное право. Реформа произошла при активном участии Александра II, который руководил ее проведением от начала до завершения. В ходе ее реализации было принудительно экспроприровано, хотя и за выкуп, около 69 % принадлежавшей помещикам земли в пользу крестьян¹⁷. Реформа удалась благодаря настойчивости императора, который проявил недюжинную волю и не испугался ни тяжелых последствий, ни недовольства дворянства. Напомню, что готовые проекты реформы были подвергнуты суровой критике в Государственном совете, куда они поступили для окончательного утверждения. Основные положения реформы не поддержали от 55 % до 82 % членов Государственного совета (из 45 членов) — на том основании, что они игнорируют мнение большинства губернских комитетов по улучшению быта крестьян (так оно и было!).

Несмотря на это, по всем спорным вопросам, имеющим программный характер, Александр II утвердил мнение меньшинства Государственного совета. Противники реформ — а их в Госсовете насчитывалось около двух третей — проиграли.

7

12. ПОРЕФОРМЕННАЯ ДЕРЕВНЯ находилась в состоянии перманентного кризиса: урожайность падала, крестьяне страдали от малоземелья, неурожаев падежей скота и вели полуголодное существование.

Экономические, политические и социальные результаты отмены крепостного права следует оценивать как огромный успех. В России несколько столетий наблюдался нулевой экономический рост: экономика росла примерно теми же темпами, что и население (например, с 1802 по 1860 г. валовые сборы хлебов возросли на 42 %, население — на 37 %). С 1860-х гг. душевой ВВП стал быстро расти, несмотря на феноменальный естественный прирост населения, и с 1861 по 1913 г. увеличился в 1,6 раза. Успешно развивались все отрасли народного хозяйства. Урожайность зерновых увеличилась примерно на 60 %, а средняя продуктивность десятины земли — на 50 %¹⁸. По темпам развития промышленности в Европе Россия лидировала, вследствие чего ее доля в мировом промышленном производстве поднялась с 3 % до 5 %.

Но главное «чудо» состояло в том, что модернизация сопровождалась ростом уровня жизни крестьянства, а значит, происходила не за счет его недоедания. С 1885 по 1913 г. оборот внутренней торговли увеличился в 1,7 раза, а производство потребительских товаров на душу населения — в 2,1 раза. За 1857–1914 гг. продолжительность жизни населения повысилась с 27 до 34 лет, грамотность обоего пола (в возрасте старше 9 лет) выросла с 17 % до 40 %. Улучшилось качество питания. Это бесспорно подтверждают данные о росте (длине тела) и весе населения. С конца 1850-х по 1914 г. средний рост мужчин увеличился на 4 см — с 165 до 169 см, а средний вес на 7 кг — с 59 до 66 кг. Что бы ни говорили про эксплуатацию трудящихся, голод, холод и неурожаи, но рост и вес людей не могут расти, если они голодают.

Крестьяне в 1861–1913 гг. купили 25 млн га земли, заплатив огромные деньги, которые они смогли заработать. В 80 раз (на 1000 человек населения) увеличилось число вкладчиков в банки из трудящихся классов. Страна достигла также выдающихся достижений в области культуры и искусства. Все это позволяет утверждать, что после отмены крепостного права Россия находилась в состоянии подъема¹⁹.

13. КРЕСТЬЯНСКАЯ И ДРУГИЕ РЕФОРМЫ 1860–1870-х гг. были проведены неудовлетворительно — медленно, непоследовательно, противоречиво, с сохранением многочисленных крепостнических пережитков.

Как ни парадоксально это прозвучит для историка, но именно так — системно, медленно, по составленному плану — рекомендует проводить реформы современная наука. Все новые институты, необходимые для успешного развития, должны формироваться постепенно. В целях уменьшения вероятности их отторжения целесообразно использовать технологию создания последовательных промежуточных институтов, плавно, в несколько этапов соединяющих начальную и целевую конструкции. И хотя такая стратегия не была теоретически артикулирована авторами и исполнителями реформ, но именно ею, как правило, они руководствовались²⁰.

ОТ РЕДАКЦИИ

«Родина» готова предоставить свои страницы ученым-историкам, имеющим иное мнение по проблемам, поднятым в статье Бориса Миронова.

° 7
Ф. Журавлёв. Крестьянская сходка. 1870-е.

° 8
Уборка картофеля. Конец XIX в.

8

- 1 Соловьев С.М. Избр. труды : Записки. М., 1983. С. 57.
- 2 Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. 2-е изд. СПб., 2018. Т. 2. С. 55–56.
- 3 Там же. Т. 1. С. 452–453, 592–595; Т. 3. С. 264–270, 284–301.
- 4 Там же. Т. 2. С. 105–106.
- 5 Там же. Т. 2. С. 62–73.
- 6 Фогель Р., Энгерман С. Хозяйственная эффективность рабства: сравнение северного и южного сельского хозяйства в США в 1860 г. // Историко-экономические исследования. 2004. № 1–2. С. 100–106; Kolchin P. Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom. Cambridge, MA, 1987.
- 7 Бородкин Л.И. Об эффективности лагерной экономики: стимулирование труда в послевоенном ГУЛАГе // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск, 2012. С. 21–31.
- 8 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 20. М., 1973. С. 173.
- 9 Hock S.L. Did Russia's Emancipated Serfs Really Pay Too Much for Too Little Land? Statistical anomalies and long-tailed distributions // Slavic Review. 2004. Vol. 63, No. 2. P. 247–274.
- 10 Миронов Б.Н. Отмена крепостного права как пример образцовой российской реформы // Экономическая политика. 2011. № 2. С. 63–84; № 3. С. 93–106.
- 11 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 173.
- 12 Wildman A.K. The Defining Moment: Land Charters and the Post-emancipation Agrarian Settlement in Russia, 1861–1863. Pittsburgh, 1996. P. 25–26, 47–48.
- 13 Миронов Б.Н. Крестьянское движение в России накануне эмансипации как момент истины // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64, № 3. С. 817–842.
- 14 Миронов Б.Н. Социология и историческая социология: взгляд историка // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 61.
- 15 История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма: в 3 т. М., 1986. Т. 2. С. 108–111; Т. 3. С. 32–63, 105–126.
- 16 Миронов Б.Н. Российская империя. Т. 2. С. 60–62.
- 17 Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 11.
- 18 Сельскохозяйственный промысел в России. Пг., 1914. С. 84–85, 104.
- 19 Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб., 2019. С. 14–22.
- 20 Полтерович В.М. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 4–24.